

відбувається відрив в'язкого металу. Цікаво що при подальшому збільшенні швидкостей різання якість оброблюваної поверхні починає покращуватись [3, с. 17–18].

В ході виконання роботи були виведені формули для визначення величини поздовжньої рябизни, які дозволили у 68% зразків визначити цю величину з відхиленням до 5% від дійсного значення (по формулам які використовувались до цього на ті ж зразки відхилення до 5% було підраховано лише у 26% випадків) [2, с. 118–127].

При дослідженні величини огранки профілю зубів встановлено, що вона прямо пропорційна її торцевому модулю і обернено пропорційна квадрату числа зубів фрези. Також залежить від модулю і числа зубів шестерні що нарізається, кута зачеплення, числа зубів, числа заходів фрези та висоти корекції зубу [2, с. 167–168].

По проведенню у дисертації дослідженням для ХТГЗ ім. С. М. Кірова було рекомендовано збільшити подачу з 1,2 до 2 мм/об. що також дозволило збільшити швидкість різання з 15 до 20 м/хв. Ці заходи скоротили час чистового проходу у два рази. Крім цього різко скоротилося зношування фрези, а відповідно і зменшилась конусність обода шестерні і через це скоротився час доводки комплектів коліс за рахунок зменшення конусності ободу.

Нарізання зубчатих коліс для корабельних ТЗА було важливим завданням ХТГЗ для оборонного комплексу країни. В тому числі і завдяки роботі С.О. Воробйова у вересні 1948 р. перший ТЗА для крейсера проекту 68К типу «Чапаєв» прийнятий держкомісією, а всього до кінця року виготовлено 4 ТЗА та 7 комплектів циркуляційних і конденсаторних насосів [4, арк. 206, 249].

Будівництво таких крейсерів дозволило військово-морським силам СРСР на рівних конкурувати з іншими морськими державами. Ці крейсери були не надсучасними кораблями, але завдяки ним радянські ВМС змогли бути присутніми в океані і вони стали основою флоту в цей перехідний період.

Список літератури: 1. Центральний державний архів громадських об'єднань України, ф. 1, оп. 23, спр. 5124. 2. Воробьев С.А. Исследование нарезания быстроходных зубчатых цилиндрических колес больших диаметров: дис. ... канд. техн. наук / Сергей Александрович Воробьев. – Харьков, 1949. – 204 с. 3. Воробьев С.А. Нормативные и руководящие материалы по определению оптимальных условий нарезания зубчатых колес турбинных редукторов. / Воробьев С.А. – Харьков 1948 г. – 38 с. 4. Центральний державний архів громадських об'єднань України, ф. 1, оп. 23, спр. 5125.

*Мешковая С.И.
г. Харьков, Украина*

ДОКУМЕНТЫ ПЕРСОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА О ВОССТАНОВЛЕНИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Архивные документы персонального характера – важнейший источник ретроспективной информации в области микроистории. Исследование традиционно теряющегося в глобальном историческом просторе ничем особо непримечательного «маленького человека» с его частной жизнью, образом мышления, личными трагедиями и достижениями, создают предпосылки для изучения истории общества в целом, осознания направляющих тенденций общественного развития в определённый хронологический период. В качестве информационного объекта подобного рода источники являются незаменимы-

ми и в изучении проблемы «лишенцев». В данной статье анализируются документы личного дела П. Атаманчука о восстановлении его в избирательных правах, хранящиеся в Государственном архиве города Киева. Цель работы состоит в исследовании, на примере конкретной личности, законодательной подоплёки ограничения и восстановления в правах, механизма рассмотрения подобного рода дел, отдельных черт социального облика и повседневной жизни «лишенцев».

В 1918 г. Конституцией РСФСР было задекларировано создание в советском государстве особой категории граждан-«лишенцев», социальное происхождение и образ жизни которых так или иначе противоречили большевистской идеологической догме [1]. Поражение в избирательных правах влекло за собой и «дополнительные ограничения»: выселение из квартир и городов, «огольное лишение» заборных книжек, права на медицинскую помощь, прав застройки, права на социальную помощь учащимся системы профессионального образования, исключение детей из школ и многое другое [2, л. 4; 3, л. 57]. Не удивительно, что в 1923 г. советские бюрократы с уверенностью констатировали: «Было время, когда этот вопрос мало кого интересовал. Теперь же «голосом» дорожит каждый» [4, л. 23]. Являясь по-сути гражданами второго сорта, «лишенцы» не оставляли попыток вернуть гражданские права.

Постановлением избирательной комиссии в разряд «лишенцев» был зачислен и ломовой извозчик Петр Сергеевич Атаманчук, 1892 года рождения, уроженец села Великая Снетинка (ныне – Фастовский район Киевской области – Авт.). Его личное дело включает в себя: две анкеты (печатную и рукописную), автобиографии П. Атаманчука и его супруги, справку домовладельца, подтверждающую проживание супругов в доме № 2 по Ново-Вокзальной улице города Киева, короткое письменное свидетельство некоего члена «союзов» металлистов и работников коммунального хозяйства Константина Ивановича Кусницына с характеристикой на П. Атаманчука. 29 ноября 1928 г. «лишенец» П. Атаманчук обратился в Административный отдел Киевского окружного исполнительного комитета с просьбой о восстановлении его в избирательных правах. Дело было начато только 12 мая 1930 г. со следующей резолюцией: «Зважаючи на те, що гр. Атаманчук хоч і торгував (дрібна торгівля) в 1925 р., але з того часу працює загально-корисно, а тому підтримати клопотання про надання йому виборчого права» [5, л. 1]. Таким образом, чётко называется причина лишения избирательного права – П. Атаманчук попадал в зафиксированную Конституцией категорию частных торговцев и коммерческих посредников. Между тем, сам «лишенец» упорно отрицал данный факт. В автобиографии он указал: «Родился в ... семье крестьян. В 1918 году женился в Киеве на горожанке и с тех пор живу в городе. Работал на артскладе до 1921 года, потом подённо до 1925 года, затем в 1925 и 1926 году работал в ресторане официантом, после ликвидации ресторана был без работы. В 1927 году... поступил в артель, где проработал до 1-ого января 1930 года. В настоящее время работаю в транспорте Киевторга» [5, л. 5]. Все даты и места работы, указанные в автобиографии старательно подчёркнуты красным карандашом советского чиновника. В избирательной анкете на вопрос № 9 «Принадлежит ли или принадлежал раньше и когда именно к категории торговцев, торговых посредников ...», «лишенец» категорически ответил «нет» [5, л. 2]. Отрицал факт занятия П. Атаманчука частной торговлей и К. Кусницын: «Никакой эксплуатацией наёмной силы не пользовался, а также никакой торговлей не занимался» [5, л. 3]. Именно поэтому возникает подозрение если не в чиновничьей халатности, повлекшей за собой неправомерное ущемления в правах, то во всяком случае в истинности причины лишения права голоса. Впрочем, можно предположить, что П. Атаманчук намеренно скрывал правду, заручившись известными методами поддержкой свидетеля. Хотя, с

другой стороны, «угрожающий» тон анкеты не предполагал каких-либо манипуляций с совестью. Уже на первой странице значилось: «За неправильные сведения лица, виновные в этом, подлежат ответственности по ст. 90-й Угол. Код.»; и далее – «Писать чётко чернилами» [5, л. 2]. В целом, ответы на вопросы обеих анкет вполне ясные и конкретные: национальность – украинец; наёмным трудом не пользовался; налогом облагался за последние два года как извозчик одноколки; член МОПРа и «Асавиохему»; на вопросы об использовании ранее наёмного труда, получении доходов от частных предприятий, о поражении в правах по суду П. Атаманчук коротко ответил «нет» [5, л. 2, 7]. Но некоторые ответы всё-таки кажутся довольно странными. Так, на вопрос «Источники существования...» он неожиданно ответил «хлебороб», будучи, как уже выяснилось ранее, жителем Киева и ломовым извозчиком [5, л. 2]. На вопрос рукописной анкеты «Чи громадянин СРСР, коли ні, то якої держави», П. Атаманчук вместо ожидаемого «да» подозрительно конкретизировал – «УССР» [5, л. 7]. Что это – растерянность и робость, которые буквально сковывали «маленького человека» с навязанным комплексом социальной неполноценности в бюрократических кабинетах новой власти; или неловкие попытки скрыть правду; а может быть слабое знание политической конъюнктуры? Причин могло быть множество.

Не даёт чёткого ответа об истинной подоплёке лишения избирательных прав и «Справка для предоставления в админотдел», выданная домовладельцем дома № 2 по Ново-Вокзальной улице, где проживала семья П. Атаманчука. Тем не менее, документ освещает бытовую сторону жизни «лишенца»: «... занимают квартиру из 2-х комнат площадью 5 кв. саженей и кухни площадью 2 ½ кв. саженей, платят по 7 руб. в месяц. В квартире живёт гр. Атаманчук с женой, четырьмя детьми и братом» [5, л. 4]. Таким образом, в переводе на современные параметры, семья из 7-и человек, в буквальном смысле слова ютилась на 34-х кв. метрах жилой площади, а значит не могла подозреваться в особой, чуждой советской власти, зажиточности.

Между тем, определённую дисгармонию в дело внесла автобиография супруги П. Атаманчука – Марии Ильиничны. Неожиданно откровенно женщина признавалась в следующем: «Родилась в городе Киеве в 1898 году. Отец служил на железной дороге, мать занималась домашним хозяйством. Окончила двухклассное училище в 1915 году. Поступила в обмундировочную мастерскую в 1916 году. В 1918 году поступила на железную дорогу, где работала на станции Киев I товар до 1920 года. Нигде и ни в каких политических организациях не работала. В 1922 году начала торговать по патенту II разряда и торговала с перерывами до 1926 года. С 1926 года по настоящее время живу на иждивении мужа – ломового извозчика. Нигде не работаю, занимаюсь домашним хозяйством. Имею дом по улице Протасов Яр, который купила 19 мая 1926 года за 1500 руб. Имею четверо детей. Сама я живу в наёмной квартире в доме № 2 по Н.-Вокзальной улице. Занимаю квартиру 2 комнаты 5 саженей и кухню 2 ½ саженей. Платчу 7 руб. за квартиру. В квартире живёт нас 7 человек» [5, л. 6]. Чистосердечная, без малейшего намёка на желание уклониться от истины и завуалировать особо нежелательные факты, автобиография Марии Атаманчук откровенно диссонирует с лояльной полуправдой мужа. Нет в документе и намерения разжалобить или хотя бы объяснить причину занятия торговлей, информация излагалась сухо и сдержанно. Хотя в документах подобного рода такие психологические приёмы были нередки: «В годы моей безработицы я не имел средств к существованию, поддержкой чужих добывал, и только на денное пропитание ...»; «После демобилизации... я, не найдя работы по найму, вынужден был в виду крайней нужды заняться мелкой торговлей в разнос...»; «В виду тяжёлого материального положения и болезни туберкулёза лёгких, я вынужден был поступить на службу расчётчиком ка-

зино...»); «Обсеилась детьми. Муж мой повёл жизнь несамостоятельную, начал тянуть из дому всё... Имея корову выносила на рынок молоко... Это всё заставила делать меня моя жизнь связанная с недостатком материальных средств» [7, л. 93, 121, 125; 8, л. 5]. Мария Ильинична предпочла к подобной риторике не прибегать.

К сожалению, в деле отсутствует окончательная резолюция относительно решения вопроса. Был ли П. Атаманчук восстановлен в избирательных правах или оставлен в списках «лишенцев» выяснить не удалось. Предположительно, дело могли решить в его пользу. Анализ имеющейся документации позволяет выявить, как минимум три причины для возвращения ему права голоса: даже если П. Атаманчук действительно до 1925 г. торговал, на момент начала рассмотрения дела он уже пять лет не являлся частником, а занимался общественно-полезным трудом, работая ломовым извозчиком; на иждивении жены – бывшей торговки – не находился; выполнял общественную работу, являясь членом Международной организации помощи борцам революции (МОПР) и Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим).

Таким образом, проанализированные документы, раскрывают драматическую судьбу людей, насильственным образом оказавшихся вне социума. Преследование граждан с трудовой биографией по неубедительным и до конца не доказанным причинам заставляет усомниться в качестве работы советской бюрократической машины, так и не отладившей до конца процесс разоблачения и наказания «чуждого элемента». Очевидна откровенная небрежность в составлении дела. Названная причина лишения прав не подтверждена никакими документами и свидетельствами. Возможно, таковые и имелись, но в деле не фигурируют, что недопустимо при решении судьбоносного вопроса, буквально переворачивающего человеческую жизнь максимальным понижением социального статуса. Видимо, поставленный на поток поиск врагов и погоня за рекордами в этой области, не позволяли советским чиновникам глубоко вникнуть в суть каждого отдельного случая, собрать достоверную информацию о человеке, а следовательно, и тщательно установить правовую подоплёку лишения прав. Дело П.С. Атаманчука – важнейшее свидетельство времени, отразившее не только политико-идеологические, но и личностные аспекты процесса искусственной маргинализации общества.

Список литературы: 1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года / <http://www.tarasei.narod.ru>. 2. Постановление Президиума ЦИК СССР. – Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО). – Ф. Р-408. – Оп. 4. – Д. 1571. – Л. 4. 3. Декрет Совета Народных Комиссаров о социальном обеспечении учащихся в учебных заведениях профессионального образования. ГАХО. – Ф. Р-408. – Оп. 22. – Д. 258. – Л. 57–58. 4. На Валковщине. – Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО). – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1042. – Л. 23. 5. Государственный архив города Киева (далее – ГАК). – Ф. Р-331. – Оп. 2. – Д. 9287. – 7 л. 6. Акт обследования домов. – ГАХО. – Ф. Р-408. – Оп. 2. – Д. 601. – Л. 8–9. 7. ГАХО. – Ф. Р-408. – Оп. 4. – Д. 1256. – 133 л. 8. ГАХО. – Ф. Р-408. – Оп. 6. – Д. 266. – 23 л.

*Мотенко Я.В., Шишкіна Є.К.
м. Харків, Україна*